

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ,
доктор культурологических наук, профессор, заведующий кафедрой
культурологии, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного
университета профсоюзов

КОНФЛИКТ КУЛЬТУР НЕИЗБЕЖЕН?

В то время, как московские масс-медиа увлеченно смаковали перипетии “конфликта века” между Березовским и Чубайсом, а российская провинция с уже привычным недоумением разглядывала на телеэкранах очередные коллизии “Санта-Барбары из района Садового кольца”, в Петербурге происходила незаметная внешне, практически бесшумная кристаллизация общественного мнения, которая, как мне кажется, способна сыграть некоторую роль в дальнейшем развитии событий в России.

Политологи полагают, что ближайшие десятилетия в нашем многострадальном государстве пройдут под знаком столкновений новых олигархий в процессе переделов власти и собственности. Народу при этом отводится роль стада, плебса, управляемого электронными средствами массовой информации. Что ж, может быть, так это и случится.

Но я убежден, что назревает конфликт более глубокий и фундаментальный. И обусловлен он будет не столкновением интересов финансовых кланов, и не битвой между “патриотами” и “космополитами”, и даже (прости меня, великий Маркс!) — не борьбой “угнетенных и угнетателей”. На повестке дня — конфликт между двумя все более расходящимися, движущимися в своем развитии во многом чуть ли не в разные стороны типами российской культуры, олицетворением которых я бы назвал (со многими важными оговорками, конечно) Москву и Петербург.

Скажу сразу: не было бы ничего глупее в контексте этого разговора, чем обвинить Москву в бескультурье. Москва — великая культурная столица по самому большому счету, без преувеличения — во всемирном масштабе. Для меня Москва — это город Свиридова и Окуджавы, Щедрина и Васильева, Захарова и Бакланова, город великого балета и блистательных “толстых” журналов, город невиданной концентрации гениальной публицистики... Возможно, по количеству Творцов Культуры Москва перевесит всю остальную Россию вместе взятую, даже с Петербургом.

И все же, как это ни парадоксально, именно в Москве к концу нашего века завершается формирование совершенно нового типа городской культуры — города “новых русских”, если хотите — **НОВОГО РУССКОГО ГОРОДА**.

Под новыми русскими общепринято понимать малокультурных людей, сколотивших состояние несправедливыми путями. Для меня же новый русский — в определенном смысле антипод русского интеллигента. Различие между этими социально-культурными типами я вижу не столько в уровне образованности или богатства, сколько в системе ценностей, духовных основах, побуждающих людей к деятельности. Для нового русского смысл жизни — в замене хорошего автомобиля на лучший, роскошной виллы — на еще более роскошную, шикарнейшей женщины — на еще более шикарную. Для русского интеллигента смысл жизни вообще не в машинах, виллах и смене женщин.

Не приходится сомневаться, что в Москве сегодня живут и работают сотни тысяч настоящих российских интеллигентов: врачей, учителей, инженеров... Но при этом район Садового кольца стал эпицентром генерирования своеобразной общественной идеологии: “Деньги и сила — все, нравственность — ничто”. В рамках этой идеологии нет места таким ценностям, как дружба, любовь, честность, патриотизм, гражданский и профессиональный долг, почитание старших.

Мне скажут: да так везде, во всем мире, вся цивилизация строится на жадности и прагматизме, а не на “гуманистическом слюнтяйстве”. И это будет неправда. Во всем мире общепризнано как раз совершенно иное. К примеру, то, что в основе успехов западноевропейского капитализма лежала протестантская мораль, что Соединенные Штаты культивировали не “дикий капитализм”, а культуру деловых и общественных отношений, основанную на Великой американской хартии, что японское экономическое чудо базировалось на традиционном для жителей страны понимании гражданского долга и патриотизма и т. д.

В этом контексте все реформаторы-рыночники от Гайдара до Чубайса, исповедующие философию “сначала сильная экономика, потом культура и нравственность”, воспринимаются мною всего лишь как наиболее талантливые представители культурного слоя новых русских. “Выросли” они, разумеется, не на пустом месте. Современная российская идеология безнравственного обогащения коренится в московском слое бюрократии позднережневской эпохи, когда многотысячная армия чиновников, их семей, чад и домочадцев, близких и дальних родственников размножилась, переплеталась связями, “подтаскивала своих” из провинции, пристраивала их на службу в столице и за границей... Возможно, ни в одной из индустриально развитых стран мира нет столь мощной, хищной и своеобразной в субкультурном отношении олигархии, какая сложилась в Москве.

Положение любого большого художника или ученого в этом культурном контексте весьма специфично. Хочешь творить, издавать книги, ставить спектакли, снимать фильмы — нужны деньги. И деньги в Москве есть. Их нет во всей стране, но в Москве — сколько хочешь. А вот если хочешь деньги — протяни руку, поклонись, “впишись в систему”, играй по правилам, которые устанавливают вовсе не Фазиль Искандер и не Белла Ахмадулина. И даже не министр культуры, премьер-министр, Президент... (хотя и в окружении последних немало по-настоящему интеллигентных, болеющих за Страну и Культуру людей — увы, не они определяют нравственный климат).

Сегодня бессмысленно спорить, что более безнравственно: “правила игры”, формировавшие облик советской культуры времен ЦК КПСС, или нормы сегодняшней “рыночной экономики”. Важнее другое: не Большой театр, Третьяковка и Филармония олицетворяют господствующие в Москве нравственные ценности, не они формируют базис городской культуры. Наоборот, величайшие таланты страны и бесценные дары российской культуры находятся под могучим прессом идеологии города “новых русских”. А то, что Москва трансформировалась в “новый русский” город, стало окончательно ясно после празднования ее юбилея, когда добрый и светлый в общем-то праздник, вполне заслуженный и городом, и горожанами, вызвал непонимание и недоумение едва ли не всей страны. “Москва — это Россия, а Россия — это Москва”, — гордо и простоудушно прокричал тогда мэр столицы. Миллионы людей в эту минуту ощутили иное: Россия — это не Москва, а Москва — это не Россия. Более того, “новый русский” город на самом деле и не хочет быть Россией...

Между тем, “новая русская культура” постепенно расплзается по стране. Властители некоторых губерний весьма успешно внедряют новый образ жизни. Внедряют, конечно, для себя и своих приближенных. И там ведь партийная элита в брежневские времена кое-чему научилась. К этому нужно добавить и “систему стажировок” провинциальной деловой элиты в ночных увеселительных заведениях столицы, и влияние телевидения. Петербург тоже не совсем чужд происходящему. Недавно я видел, скажем, как одна из восхитительных звезд Мариинки радовала в балетной пачке подвыпившую толпу в модном ночном клубе на Невском. Но это для Петербурга вовсе не типично.

Любая культура — явление весьма сложное. Усиление одних тенденций часто будит к жизни совсем другие. “Если ты такой умный, почему же ты не богатый?” — прочитал я на щите наружной рекламы какой-то жульнической, по всей видимости, конторы в Москве (в брежневские времена на том же месте красовалось: “Вперед, к победе коммунизма!”). Видимо, авторы обоих текстов по-своему не учитывали всего многообразия жизни.

Раньше многим не хотелось идти строем. Даже к коммунизму. А теперь многим не хочется богатеть любой ценой. Хочется богатеть, честно работая и не разрушая страну. “Новые русские” это, конечно, не поймут. Действительно: как же это можно не воровать в условиях, когда воровать можно? А вот московский учитель, питерский инженер, врач из Забайкалья, орловский библиотекарь никогда не поймут “новых русских”.

И в связи с этим Петербург начинает обретать черты культурной столицы совсем в ином смысле — как столицы другой культуры, не той, что так явственно доминирует сегодня в Москве. Роль эту Северной Пальмиры играть непросто. В ряде отношений город обескровлен прежним режимом. Ортодоксальнейший в стране социализма Ленинградский обком прямо или косвенно выдавливал из города Бродского и Ростроповича, Юрского и Барышникова, Ядова, Кона, Левадо... Люди были вынуждены покидать Ленинград в поисках лучших творческих возможностей. Культурная политика “ленинского политбюро” методично купировала ресурсы развития городской культуры. Не случайно Петербург был назван в итоге “великим городом с областной судьбой”.

Да и сегодня, на первый взгляд, положение не блестящее. В городском бюджете на одного горожанина денег в 6 раз меньше, чем в Москве. И все-таки возрождается Царское Село, вводится в строй новое здание Публички, ремонтируется БДТ им. Товстоногова, новое дыхание обретают Эрмитаж, Русский музей, Пушкинский Дом, Юсуповский дворец, обновляется старейший в стране Государственный университет. Без лишнего шума, даже отдаленно непохожего на пышные ритуалы вокруг храма Христа-Спасителя, почти завершена неизмеримо более сложная реставрация храма Спаса-на-Крови. Блестящие выпуски по-прежнему готовит Вагановская академия, город одухотворяют новые памятники. И все это спокойно, без эпатажа и купеческого надрыва. Несмотря на шок безденежья и внезапной нищеты постепенно оживает, стряхивая с себя временное оцепенение, городская интеллигенция. Не случайно умами ее лидеров сейчас владеет не имеющая отношения к сегодняшним невыплатам зарплаты “Декларация прав культуры”, разрабатываемая ведущими

учеными города по инициативе Дмитрия Лихачева. Не случайно в последние годы интеллектуальной элитой города активно дискутируется проблема миссии и ответственности российской интеллигенции за происходящее в стране. В общественном сознании все более утверждается уверенность в том, что экономический подъем страны должен основываться на культуре и нравственности.

Природа этого взгляда понятна. Петербург — единственный город России, внесенный ЮНЕСКО в перечень всемирного культурно-исторического наследия. Здесь — невиданная концентрация творений человеческого духа, формирующая особую культурную среду. Здесь, в отличие от Москвы, не рыщут и не алчут полчища маргиналов, людей — “перекати-поле”, оторвавшихся от своих культурных корней в поисках наживы. К тому же 70-летний консерватизм ленинградских обкомовцев, “руководивших” культурой, имел и свои положительные стороны: здесь никогда не было ничего даже отдаленно напоминающего гниение столичного чиновничества. Действительно, и во времена Кирова, и во времена Романова в городе никому не приходило в голову, скажем, дать взятку работнику обкома КПСС. Любопытно, но и в последние годы многочисленные попытки “вывести на чистую воду” различных петербургских чиновников, как правило, не подтверждались в итоге никакими фактами. Как сказал когда-то Даниил Гранин, “здесь лучше нравственная экология”.

Как бы то ни было, но в последнее время культурная жизнь Петербурга приобретает черты качественной непохожести на московский “климат”. Еще 3—5 лет назад я сказал бы, что по сравнению с первопрестольной наш город просто несколько провинциален. Сейчас же я думаю, что здесь формируется иной тип постсоветской культуры, коренящийся в исторических особенностях Петербурга. Кстати, Дмитрий Сергеевич Лихачев утверждает, что Петербург — самый русский из российских городов и одновременно — самый европейский из европейских. И здесь тоже есть над чем поразмышлять.

Существенная и очень любопытная деталь: в последние годы выяснилось, что в отличие от Москвы Петербург выживает и развивается практически без сколь-нибудь масштабных федеральных вложений.

Оказывается, что иная нравственная среда порождает в Петербурге совсем иной тип экономики, развивающейся за счет собственных ресурсов, без ущемления кого бы то ни было. Контраст со столицей разителен. “Москва — это такой вид гравитационной аномалии, которая впускает в себя все, а выпускает только открыточный вид на Кремль с Воробьевых гор”, — с иронией заметил недавно один из журналистов. И добавил: “Москва притягивает любую массу и ничего не выпускает...”. Действительно, попытки обнаружить хотя бы какую-то пользу стране от купающейся в безумии роскоши столицы тщетны. Москва бесполезна для России. Вот почему ее успехам не очень-то радуются. Иное дело — Петербург. Его положение по отношению к федеральным ресурсам ничем не отличается от Орла или Читы. И в таком положении, оказывается, можно реконструировать “Асторию”, “Европейскую”, вводить в строй “Невский Палас”, открывать фантастический бизнес-центр на Невском и изумительную пешеходную зону на Малой Конюшенной, достраивать с применением уникальных технологий станции метро “Спортивная”, “Парк культуры”, “Новая деревня”, обновлять мосты через Неву, заменять десятки тысяч километров дорожных полотен, возводить новые вокзалы.

Для страны немаловажно, что, избрав свой путь, северная столица вполне в состоянии пойти по нему, не спрашивая чьего бы то ни было разрешения. Не исключено, что в этой ситуации петербургская культурная модель (и базирующаяся на ней модель экономическая) окажется привлекательна и для российской провинции.

Думаю, вульгарной битвы “новой русской” культуры и современной культуры петербургской интеллигенции ожидать не следует, как не следует ожидать и столкновения городов (тем более, что несмотря на всю агрессивность “новой русской” культуры далеко не все подвластно ей и в

самой Москве). Нередко культурные конфликты становятся источниками развития культуры. Кроме того, ось “новые русские — интеллигенция” — далеко не единственная в культурной жизни. Есть еще и проблемы взаимодействия национальных культур, взаимоотношений культуры массовой и элитарной, отечественной и зарубежной и т. д.

Хотя кто знает? Новая страница во взаимоотношениях между московским чиновничеством и петербургской интеллигенцией была начата совсем неожиданно: вывернув наизнанку решение Президента России о создании телевизионного канала “Культура”, ловкие люди отключили страну от петербургского телевидения. К чему бы это?..